Освобождение философии на Руси от догм византийского богословия

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ***1***

1. Факторы, обуславливающие своеобразие русской философской культуры ***3***

1.1. Россия-Русь — региональная цивилизация 3

1.2. Психология религиозности и догматика конфессий 5

1.3. Специфика религиозной и атеистической философии 7

1.4. Движущее противоречие развития русской философии 8

2. Философская культура Запада и её применимость в отношении России ***9***

3. Богословие церкви кесаря против богословия народа ***11***

Заключение 22

Введение

Реальность такова, что одной из политических партий надо признать РПЦ во главе с патриархом Кириллом. Это специфическая политическая — внепарламентская — партия, претендующая на выражение интересов якобы всего народа, но в действительности опирающаяся прежде всего на так называемый «средний класс». Однако у неё есть претензия опираться не на «средний класс» периода первоначального накопления капитала (дикого капитализма), а на «средний класс» стабильного капитализма (цивилизованного капитализма — общества более или менее окультуренного потребления, подчинённого определённым этическим нормам, распространителем которых претендует быть РПЦ).

Тут есть две проблемы.

Первая: сам Кирилл во многом идентичен попу Гапону (персонаж революции 1905 г.), с той лишь разницей, что адресатом проповедей Гапона был рабочий класс, а основной адресат проповедей Кирилла — «средний класс». Это классовое различие адресации проповедей обусловлено эпохой, т.е. тем, в ком некоторые политические силы видят «локомотив истории», и кто, на их взгляд, должен быть примером для подражания всем прочим слоям общества.

Но эти амбиции руководства РПЦ лишены перспектив. Дело в том, что в «среднем классе» обществ стабильного капитализма — весьма велика доля профессионалов реального сектора, а в отечественном среднем классе доминируют звёзды шоу-бизнеса, представители спекулятивного сектора экономики, чиновная (включая церковную) и прочая блядва[1].

[1] О среднем классе Россионии см. аналитическую записку ВП СССР «Модернизация от Медведева??? — мдА...» из серии «О текущем моменте» № 9 (93), декабрь 2009 г.

Вторая: у РПЦ тоже за душой нет адекватной социолого-экономической теории, опираясь на которую, те благонамеренные «батюшки» и монашествующие (которые в ней есть, существование и деятельность которых было бы глупо отрицать) могли бы придать новое качество и самой РПЦ, и обществу на основе возрождения веры Богу.

«Сергиевский проект» (иначе «Русская доктрина»), который так пиарили на протяжении нескольких лет, начиная с 2005 г., не стал «словом жизни» даже для политически озабоченной части интеллигенции, способной прочитать толстую книгу, не говоря уж о более широких слоях общества, кому «думать трудно» и чьё миропонимание программируется телевещанием. Не стал именно потому, что декларации о благонамеренности не могут подменить собой адекватной социологической теории, которая может стать основой образования в области социологии и политики и тем самым определить характер управленческого корпуса в государственном аппарате и в бизнесе спустя некоторое время.

Дело в том, что роль личности главы государства, политической партии (в том числе и внепарламентской партии, какой является РПЦ) значима, но возможности личности в публичной политике обусловлены тем образованием, которое получили чиновничий корпус и топ-менеджеры. А в основе образования лежат те или иные теории, и уж редко-редко когда — методология познания и творчества, которая позволяет производить адекватные теории каждому, у кого возникает потребность в том, чтобы выработать общее понимание каких-то проблем с другими людьми для того, чтобы решить их совместными усилиями.

Одна из компонент образования — философия, а один из разделов философии — гносеология, в котором излагаются взгляды на практику познания. Поэтому настоящая работа посвящена истории освобождения как церковной, так и светской философии на Руси из-под власти богословской традиции РПЦ, в своей основе унаследованной от Византии.

Исторически так сложилось, что в вузовском курсе философии, предназначенном для студентов нефилософских специальностей, уделяется больше времени изучению воззрений зарубежных философов, и прежде всего, — европейских философов последних нескольких веков. О роли же отечественной философской мысли в истории в общем-то ничего не сообщается. В советском прошлом после XX съезда КПСС (1956 г.) из отечественных философов особое внимание уделялось только наследию В.И.Ленина, а остальная русская философия оставалась не просто неизвестной, а практически недоступной для тех, кто ею интересовался в силу особенностей информационной политики КПСС.

Кроме того, большинство студентов в силу недостатка жизненного опыта и юношеской узости кругозора не понимают прикладного значения философии, которая при названных условиях представляется им оторванной от жизни и потому бесполезной. Хотя следует признать, что в мировой философии действительно есть школы, оторвавшиеся от жизни и «изучающие» собственные вымыслы, однако настоящая философия не может быть оторванной от жизни и потому обладает наивысшей практической значимостью из всего множества научных дисциплин[1]. Это обстоятельство может быть пояснено кратко метафорически: философия подобна камертону.

С одной стороны, на камертоне невозможно исполнить даже простенькую мелодию. Так и философия сама по себе не способна решить

[1] Об этом см. работы ВП СССР «Диалектика и атеизм: две сути несовместны» и «Основы социологии» (часть 1).

ни одной задачи ни в одной прикладной специальности, в каждой из которых есть множество профессионалов, более или менее успешно решающих частные задачи *при своём полном философском невежестве*. Отсюда и проистекает иллюзия никчёмности философии, которой оказываются подвластны многие студенты.

Но наряду с этим без камертона невозможно настроить инструменты оркестра, если музыканты не обладают абсолютным слухом. Так и философия является своего рода камертоном, по которому настраивается вся совокупность частных наук, включая и сугубо прикладные. И если философский камертон фальшивит, то все узкоспециализированные науки в их совокупности порождают множество больших и малых проблем в ходе своего применения к решению практических задач.

И потому адекватная жизни философия и широкая распространённость философской культуры в обществе — залог его благополучия, а господство неадекватной философии и философского бескультурья — *объективная* предпосылка к социальной катастрофе. Соответственно освоение философской культуры вопреки возникающей иллюзии никчёмности философии — обладает наивысшей практической значимостью во все эпохи и во все возрастные периоды.

Предпосылки к возникновению философии как отрасли культуры и науки несёт в себе сама жизнь. Если говорить о русской философии как об отрасли науки, то она возникла и развивалась в эпоху после крещения Руси (988 г.), и потому богословие просто не могло не оказывать своего влияния на философскую мысль. В особенности это касается богословской традиции православной церкви. Это не значит, что представители народов, исповедовавших ислам, буддизм и иудаизм, не оставили после себя ничего достойного упоминания, но в условиях, когда православие было де-факто, а потом и де-юре, государственной религией, их произведения не могли оказывать непосредственного воздействия на политику государственности Русской цивилизации, и соответственно — на жизнь и пути России.

Но чтобы увидеть, из чего проистекает неповторимое и неподражаемое своеобразие философской культуры России, необходимо пояснить ряд обстоятельств.

1. Факторы, обуславливающие своеобразие русской философской культуры

1.1. Россия-Русь — региональная цивилизация

Прежде всего, необходимо определиться в понимании сути Руси-России.

Определение «нации», господствующее до настоящего времени в отечественной социологии, дал И.В.Сталин.

«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. (…) Только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию».[1]

Собственно те же самые признаки нации, которые даёт И.В.Сталин в своём определении, приводятся и в современном школьном учебнике обществознания под редакцией Л.Н.Боголюбова (т. 2, «Человек и

[1] И.В.Сталин. Марксизм и национальный вопрос. — Сочинения. Т. 2. М.: Издательство политической литературы. 1946. — С. 296, 297.

общество»[1] — учебник для 10 — 11 классов, М., «Просвещение», изд. 8, 2003 г.), хотя они и не сведены в строгое определение термина «нация»: исторический характер образования наций (стр. 316, абзац 2), язык (там же, стр. 316, абзац 3), общность территории и экономическая связность (там же, стр. 316, абзац 5), общность культуры (там же, стр. 316, 317), в которой выражается и благодаря которой воспроизводится национальный характер в преемственности поколений (хотя вопрос о национальном характере и национальной психологии учебник оставляет в умолчаниях).

Однако происшедшие в XX веке экономические изменения глобального масштаба показывают, что сталинское определение нации не вполне точно, поскольку под воздействием глобализации экономическая связность большинства наций (и соответственно их экономическое обособление друг от друга) ушли в прошлое. А под воздействием интенсифицировавшегося культурного обмена постепенно уходит в прошлое и их культурное обособление и своеобразие.

Поэтому сталинское определение термина «нация» необходимо уточнить. Для наций во все времена характерна не общность экономической жизни, а общность ***смысла жизни, выходящего за пределы удовлетворения физиологических и бытовых потребностей людей****, составляющих нацию, и который выражается в общественном самоуправлении, включая и управление экономикой.* Если этот общий для людей смысл жизни есть, то есть и нация; если его нет, то при всех прочих признаках нации, имеется люмпен, который обречён либо обрести такого рода смысл жизни, либо сгинуть в историческое небытиё.

С учётом этого уточнения термин «нация» можно определить так:

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности: 1) языка, 2) территории, 3) смысла жизни, выражающегося в единстве и целостности сферы общественного самоуправления, 4) психического склада, проявляющегося 5) в культуре. Только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию.

Народ (в смысле культурно своеобразный этнос) это — нация, проживающая в ареале доминирования её национальной культуры, плюс национальные диаспоры, т.е. носители соответствующей национальной культуры, проживающие в ареалах доминирования иных национальных культур.

Но в истории формируются общности более широкие, чем национальные. Если устремлённость к одним и тем же идеалам является общей для разных народов, то возникает общность народов наднационального порядка. Это — цивилизационная общность. Она неформально объединяет многие народы, даже если их идеалы не стали пока реальностью в жизни: *«Мерило народа не то, каков он есть, а то, что <он>[2] считает прекрасным и истинным, о чём <он> воздыхает»* (Ф.М.Достоевский). И с этим следует согласиться: региональные цивилизации планеты отличаются друг от друга не по исторически сложившемуся образу жизни, а *по идеалам, которым верны составляющие их народы*.

При таком взгляде обозримая история человечества — это история внутренней жизни и взаимодействия региональных цивилизаций. Запад (Европа вне границ России, Белоруссии, Украины; Северная Америка, Австралия) — это множество наций-государств, принадлежащих одной из региональных цивилизаций планеты. Русь-Россия — это ещё одна региональная цивилизация многих народов, живущих в общем им всем

[1] Том 1, «Введение в обществознание» — учебник для 8 — 9 классов.

[2] Здесь и далее в угловых скобках в тексте цитат наши поясняющие вставки.

государстве, и **в этом качестве государства-цивилизации Русь-Россия уникальна**. Соответственно слово «русский», будучи грамматически прилагательным, а не существительным-этнонимом, органично применимо ко всем народам нашей региональной цивилизации. Это цивилизационное своеобразие Руси сложилось ещё в докрещенскую эпоху и оказало своё воздействие на развитие богословия и философии церкви.

Жизненный идеал цивилизации Руси — справедливость. Соответственно:

- **Главное требование** простонародья к власти на Руси — быть праведной, т.е. честной и добросовестной.
- **Второе требование** — быть умной не «ва-а-ще», а конкретно — в интересах народа и не в несбыточных разглагольствованиях, а в деле.

Это — историческая константа.

Смена приоритетов или устранение первого требования невозможны. Царя-молитвенника Федора Иоанновича (сына Ивана Грозного) почитали, хотя он был слаб умом, а Бориса Годунова не приняли, хотя многое из того, чему он положил начало, шло на пользу стране.

Причина в том, что в **русском понимании справедливость — некий неотмирный — Богом данный — идеал**, который люди должны познать и воплотить в жизнь этого мира. Реальная жизнь может быть сколь угодно далека от этого идеала, что однако не делает его неправомочным, а только обличает греховность людей, не сумевших его реализовать. И кроме того, только в русском языке слово «свобода» может быть интерпретировано как аббревиатура: С-овестью ВО-дительство БО-гом ДА-нное.

В понимании иных народов справедливость это — сложившаяся социально-статусная иерархия, а несправедливость — её нарушение, и их идеалы не связаны с постижением и воплощением в жизнь некой неотмирной справедливости. И, кроме того, в некоторых языках (в частности, в английском, французском) явление «совести» обозначается словами, имеющими кроме этого ещё другие значения, в силу чего и свобода понимается иначе.

Философия как научная дисциплина пришла на Русь из Византии после крещения. Однако пришла она на Русь не на пустое место. Господствующие представления о всеобщей дикости, племенной раздробленности, якобы царивших на Руси во времена ранее «призвания варягов», а тем более — ранее крещения Руси, сформированы церковниками и «варягами» послепетровских времён — академиками-иностранцами, не всегда умевшими хотя бы читать по-русски (а тем более — по-древнерусски), чьи чувства были глухи к жизни народов России. И эти представления о докрещенской Руси не соответствуют действительности, хотя в них охотно верят все, кто завидует Западу и не желает жить своим умом. Против «варяжских» воззрений на древнюю Русь возражал ещё М.В.Ломоносов. Но наиболее убедительно они опровергаются археологией: Змиевы валы́, тянущиеся по югу нынешней Украины, — их неоспоримое опровержение.

Создание и эксплуатация стратегической фортификационной системы протяжённостью в несколько сот километров с глубиной эшелонированной обороны до 200 км (см. карту в работе ВП СССР «Смута на Руси: зарождение, течение, преодоление») в условиях дикости и племенной раздробленности невозможно. Это требует высокой культуры, эффективной и быстродействующей организации, охватывающей население огромной территории. И всем этим обладали древние русичи в первые века нашей

эры, когда построили и эксплуатировали Змиевы валы́[1].

Т.е. на Руси философия, понимаемая как любовь к *мудрости, практически выражающейся в жизни,* а не как научная дисциплина — была и во времена ранее «призвания варягов», но облекать её в строгие формы научной теории до прихода на Русь византийской церковной традиции никто не считал нужным. И она была достаточно эффективна в решении многих практических задач. А византийская богословская традиция, придя на Русь, не искоренила местную неформализованную самобытную философию, а вошла в духовную жизнь Руси — в каких-то аспектах гармонично, а в каких-то — создавая проблемы вследствие того, что воспроизводила ту алгоритмику общественного развития, которая привела Византию сначала к государственному краху, а потом — к отуречиванию и псевдоисламизации[2] её коренного населения.

1.2. Психология религиозности и догматика конфессий

Кроме того, для понимания психологии прошлых эпох следует признать, что вопрос о бытии Бога для наших предков не был предметом предположения, принимаемого слепо на веру. Бытие Бога было достоверным знанием: по мнению таких людей, как Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский и многих других Бог дал им доказательства своего бытия персонально и неопровержимо тем, что отвечал молитве верующего Ему (а не в Него) человека тем более убедительно, чем более отзывчив был сам человек, когда Бог обращался к нему через его совесть или через поток жизненных обстоятельств. Т.е. **доказательства бытия Божиего в религиозном сознании носят этический характер, и для всех них бытие Бога подтверждалось широко признаваемым в философии принципом «практика — критерий истины».** И потому они, ощущая Его несуетную Святость, скромно творили миссию служения Богу и людям на избранном ими поприще. На атеистов, инаковерующих и собственных обрядоверов они взирали с состраданием как на людей, которые сами себя обидели, лишив себя своим неверием Богу наиважнейшего в жизни.

Но наряду с этим каждой конфессии свойственны догматы, отличающие её от других конфессий, верность которым и определяет конфессиональную принадлежность, а их несовпадение порождает религиозные конфликты.

В силу этой роли догматики русский философ и богослов В.Н.Лосский (1903-1958) оставил после себя две взаимно дополняющие работы: «Очерки мистического богословия восточной церкви» и «Догматическое богословие». В первой из названных работ он пишет: «…догматы Церкви часто представляются нашему рассудку антиномиями, которые тем неразрешимее, чем возвышеннее тайна, которую они выражают. **Задача состоит** не в устранении догмата, но **в изменении нашего ума** (выделено жирным нами при цитировании) для того, чтобы мы могли прийти к созерцанию Бого-открывающейся реальности, восходя к Богу и соединяясь с Ним в большей или меньшей мере»[3]. И поясняет: «…термин «мистическое богословие» означает в данном случае аспект духовной жизни, выражающий ту или иную догматическую установку».

---

[1] 12 мая 2004 г. по Первому каналу российского ТВ был показан документальный фильм о Змиевых валах «Славянские пирамиды». Фильм доступен в Интернете, в частности по ссылке: http://video.yandex.ru/users/arni-raj/view/701/ .

[2] Ислам в Турции отличался и отличается от заповеданного через Мухаммада.

[3] В сборнике с его же «Догматическим богословием»: Москва, 1991 г., рекомендовано к печати Московским патриархатом, с. 35, 36.

Этим В.Н.Лосский по сути подчиняет «мистическое богословие» «догматическому богословию» и лишает философию свободы, если под «мистикой» понимать не беспочвенные фантазии, и не те аспекты реальности, которые скрыты от чувственного восприятия большинства, а источник и путь получения человеком некоего «первознания», которое в результате его собственной интеллектуальной деятельности признаётся им богоданным либо отвергается в таковом качестве. И в дальнейшем выражение этого первознания в лексике порождает догматы.

Но если догматическое богословие подчиняет себе мистическое, то именно догматическое богословие задаёт своего рода матрицу возможностей, в ограничениях которой философы, принадлежащие к той или иной конфессии, рассматривают определённую тематику и уходят от рассмотрения другой тематики, приходят к определённым мнениям и отвергают мнения, противоречащие догматам.

В богословии и философии русского православия этот фактор тоже имеет место на протяжении всей его истории, хотя и не выразился столь экстремистски, как в католицизме. Католицизм учредил инквизицию, которая, руководствуясь догматикой, текстом Библии и сложившейся традицией её истолкования, выносила вердикты по любым вопросам, включая естествознание, противоречащие жизненной реальности, если реальность открывалась не так, как предписывали догматы и традиция миропонимания на основе Библии. Тем не менее и в истории русской церковной мысли, если «мистицизм» входит в противоречие с догматами, он становится объектом догматически обусловленного порицания без вникания в существо вопроса. О «неподсудности» догматики православия с самых начальных этапов развития философии на Руси как о данности сообщает и В.В.Зеньковский: «тот факт, что христианство появилось на Руси тогда, когда в Византии уже закончилась эпоха догматических движений, объясняет нам, отчего русское религиозное сознание воспринимало христианскую доктрину, как нечто завершённое и не подлежащее анализу»[1].

Мы не будем обсуждать догматы разных вероучений и их происхождение, а примем как историческую данность факт доминирования после крещения (988 г.) в русской культуре догматов православия и обусловленность ими жизни, включая развитие философии до начала эпохи секуляризации науки.

Кроме того необходимо понимать и причины, по которым вторжение византийской традиции на Русь стало востребованным на Руси, что и сделало возможным крещение Руси князем Владимиром[2].

Если смотреть на крещение Руси из Византии, то она безуспешно на протяжении нескольких веков стремилась подчинить себе идеологически «северных варваров», поскольку устала с ними воевать. Но к крещению Русь привели не столько усилия Византии, сколько обострение кризиса её собственной жреческой власти.

Дело в том, что жреческая власть — общественный институт, несущий смысл жизни и ответственный за его воплощение в жизнь. В докрещенскую эпоху Руси это — осёдло живущие волхвы и калики перехожие. Поскольку смысл жизни включает в себя и религиозную компоненту, то упоминание жреческой власти как носителей определённой богословской традиции в

[1] Протоиерей В.В.Зеньковский. История русской философии. — YMCA-PRESS, Париж, 11, rue de la Montagne-Ste-Genevieve. 1989. Т. 1, ч. 1. — С. 38.

[2] См. об этом работу ВП СССР «Смута на Руси: зарождение, течение. преодоление…».

докрещенскую эпоху, для понимания рассматриваемой нами проблематики необходимо.

Во времена посещения Руси в I веке апостолом Христа Андреем Первозванным жреческая власть была дееспособна, и потому он не стал крестителем Руси, хотя и запомнился русичам. Но неадекватно прореагировав на свидетельства Андрея Первозванного, имевшие глобальное эпохальное значение, жреческая власть ступила на путь деградации и к концу первого тысячелетия утратила дееспособность. Княжеско-боярская корпорация (в период ранее становления государственности она была профессиональной корпорацией управленцев и играла роль общецивилизационной исполнительной власти, подчинённой слову жречества), осознав недееспособность жречества, стала искать идейного руководства за рубежом и нашла его в лице византийской церкви. В результате состоялось крещение Руси Владимиром, чем были удовлетворены интересы и Византии, и княжеско-боярской корпорации Руси.

В Европе деградация жреческой власти друидов привела не только к крещению народов, но и к их полной «римофикации» («романизации»): смысл жизни древней европейской языческой цивилизации был искоренён вместе с друидами и заместился смыслом жизни, культивируемым Римским католицизмом.

Но в отличие от Европы Русь не перестала быть сама собой и после крещения, и потому вся последующая история России — история преодоления кризиса самобытного цивилизационного развития, т.е. прежде всего — история преодоления кризиса жреческой власти как носительницы смысла жизни.

1.3. Специфика религиозной и атеистической философии

Исходный вопрос: Как понималась суть философии на Руси? — поскольку тот или иной ответ на него задаёт те или иные цели и задачи развития философии.

«Самое древнее в славяноязычной культуре определение философии было сформулировано в конце IX в. (…) <и> содержится в «Житии Кирилла» (…) Под философией здесь понималось «знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу, что учит человека делами своими быть по образу и подобию сотворившего его». Мировоззренческие установки данной формулы нацеливали на познание природного мира и Бога. К компетенции философии соответственно относилось богопознание, что фактически означало право на исследование надприродной реальности. Таким образом, с философией отождествлялись как рационализированное богословие, так и мирская мудрость, которые не противопоставлялись одно другой, а взаимно дополняли друг друга, с тем чтобы служить осознанному нравственному выбору, “приближающему человека к Богу”».[1]

> Т.е. любая религиозная философия по целям существования, по решаемым задачам, по предметной области исследований, по методологии познания отличается от иных философий, и прежде всего, — от философии атеистической науки.

С точки зрения атеистической науки, религиозная философия изучает придуманные ею фикции и их влияние на реальную жизнь. Поэтому у неё могут быть некоторые достижения в изучении тех или иных сторон

[1] Интернет-ресурс: http://phhistory.ru/?page_id=382.

«объективной реальности, данной нам в ощущениях…»[1], но в целом её представления о жизни — неадекватны, и споры богословов-философов это — споры ни о чём, поскольку за такими словами, как «Бог», «Дух Святой», «бессмертная душа человека» с точки зрения атеизма не стоит никаких реальных явлений; а все свидетельства верующих — либо вымыслы, либо заблуждения людей, «не знающих физики», и плоды проецирования ими процессов в своей субъективной психике на внешний мир.

С точки же зрения религиозной философии (в определении области её компетенции в «Житии Кирилла») — философии атеизма и философии иных конфессий не обладают полнотой мировосприятия, и соответственно их воззрения далеко не во всём адекватны истинной реальности (см. далее мнение об этом И.Брянчанинова). Поэтому взаимопонимание и согласие обоих течений философии возможно далеко не во все вопросах.

Кроме того в церковно-православном сознании, «философия (…) понималась прежде всего как философия дела (деяния). Для христианской идеи нет ничего важнее деяния <: «вера без дел мертва» (Иаков, 2:20)>. Деяния и мысль — нераздельны, без деяния мысль обесценивается и перестаёт быть истинной. Лишь деяние воплощает мысль, в деянии она обретает плоть, подобно тому, как в личности Иисуса Христа божественное соединятся с человеческим»[2].

Указав на эту особенность православного понимания философии, в дальнейшем мы исключим из рассмотрения чисто богословские вопросы (о сущности Бога, о сотворении Мира, о предопределении Богом бытия и об осуществлении Им вседержительности, о сущности и спасении души, о святости и грехе, об ангелах и бесах, об истинной вере и ересях и т.п.)[3], а ограничимся рассмотрением воззрений богословов по вопросам, общим для церковной и внецерковной научной философии.

1.4. Движущее противоречие развития русской философии

Все вероучения содержат свод определённых мнений о Боге, о взаимоотношениях с Ним людей, о принципах организации жизни общества как системы (точнее — суперсистемы[4]). И потому было бы беспредметным делом говорить о воздействии богословия на развитие философии, не дав представления о воззрениях, свойственных соответствующей конфессии.

Социологическая доктрина исторически реального христианства, благодаря которой оно в различных модификациях становилось востребованным правящими «элитами» разных стран и обретало в них статус государственной религии, исходит из слов апостола Павла:

[1] «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (В.И.Ленин. Материализм и эмпириокритицизм». — М.: Политиздат. Отдельное издание, 1986. — С. 140).

[2] Чумакова Т.В. Предисловие к сборнику «Иван IV Грозный. Сочинения». — СПб: Азбука-классика. 2008. — С. 9.

[3] Богословские вопросы рассмотрены в работах ВП СССР: «Вопросы митрополиту Иоанну и иерархии Русской православной церкви», «К Богодержавию…», «Диалектика и атеизм: две сути несовместны», «“Мастер и Маргарита”: гимн демонизму? либо Евангелие беззаветной веры», **«Почему, призывая к Богодержавию, Внутренний Предиктор отвергает Последний Завет»** (в этой работе освещены некоторые вопросы, которые не затронуты в других), «Основы социологии».

[4] Термин Достаточно общей теории управления.

«5. Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, 6. не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, 7. служа с усердием, как Господу…» (К Ефесянам, гл. 6).

Это положение в официальных вероучениях церквей богословы развивали и приспосабливали к текущим политическим потребностям того или иного «кесаря», в большинстве случаев игнорируя последующий текст Павла:

«И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими, и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицеприятия» (К Ефесянам, 6:9).

Но наряду с этим канон Нового Завета сохранил слова Христа, выражающие иные социологические воззрения, неприемлемые для правящих «элит» всех толпо-«элитарных» обществ:

«Закон и пророки[1] до Иоанна <Крестителя>; с сего времени Царствие Божие благовествуется и всякий усилием входит в него» (Лука, 16:16). «Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его, и это всё (по контексту благоденствие земное для всех людей) приложится вам» (Матфей, 6:33).

И именно в этом смысле дух христианства воспринимали на Руси по совести (если совесть не была подавлена), что в ряде случаев приводило к конфликту между требованиями совести — с одной стороны и с другой стороны — унаследованной от прошлого социальной инерцией, требованиями церкви и государства, выражавшими сословно-корпоративный «элитарный» эгоизм, устремившийся к господству над людьми от имени Бога. В угоду ему учение Христа о становлении Царствия Божиего на Земле усилиями самих людей в Божьем водительстве было объявлено ересью: её церковное название — «хилиазм» (греч.) или «миллинаризм» (лат.)[2].

Именно в результате отрицания правящими «элитами» *хилиастических идей как сути социологической доктрины Христианства* возникла разделённость религиозной и светской жизни «христианских народов», оправдываемая словами «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матфей, 22:21). Пожалуй, наиболее ярко и трагично этот конфликт выразился в жизни Руси в царствование Ивана Грозного и в его личной судьбе — человека и государя (он отражён во многих его произведениях, и в особенности — в переписке с А.М.Курбским).

Если говорить о «развитии философии», то под этим термином можно понимать два взаимосвязанных, но по сути различных явления.

В первом понимании «развитие философии» — это хронология накопления философией различных мнений по тематике, относимой к компетенции философии на текущий момент времени.

Второе понимание термина «развитие философии» исходит из предпосылки, что в плюрализме мнений, выработанном философами на протяжении истории, далеко не все мнения истинны, а развитие философии представляет собой освобождение от заблуждений и формирование адекватного миропонимания.

[1] Во времена Христа «Закон и пророки» — это то, что ныне называется «Ветхий Завет».

[2] Оно происходит от слова «тысяча», поскольку по убеждению её приверженцев Судному дню, которым должен завершиться по мнению авраамических вероучений нынешний этап истории человечества, будет предшествовать тысячелетнее Царствие Божие на Земле.

Такое понимание термина «развитие философии» предполагает определённость критериев истинности и ложности, и обусловленное ими видение направленности развития философии. И по отношению к развитию философии в таком его понимании весь плюрализм мнений, имевший место в истории, — следы поиска истины методом последовательных приближений.

Поэтому всё последующее изложение исходит из утверждения «критерием истинности, не знающим каких-либо исключений, является практика». Этот критерий в той или иной форме выразили все основоположники «мировых религий»: Будда, Моисей, Христос, Мухаммад. Его же провозглашают и представители многих направлений научной философии. Проблема однако состоит в том, что пользование им — неформализуемое искусство, а искусство всегда носит в той или иной мере субъективный характер. Но в силу объективности этого критерия, тех, кто возводит в ранг истины заблуждения, ждёт вполне реальное разочарование.

И если соотноситься с этим обстоятельством и рассматривать развитие богословско-философских воззрений на Руси, то его исторически непреходящая направленность состоит в преодолении конфликта совести и сословно-корпоративно обусловленных требований государства и церкви, как в социологических воззрениях, так и в жизни. И эта устремлённость выражается в существующем издревле самоназвании нашей цивилизации — Святая Русь.

2. Философская культура Запада и её применимость в отношении России

Исходя из изложенного в разделе 1.1, можно утверждать, что по показателям развития наднациональных общественных институтов цивилизация-Запад отстаёт от цивилизации-России лет на 500, поскольку создание Евросоюза, положившее начало становлению общей наднациональной государственности с единой кредитно-финансовой системой, с общей системой образовательных стандартов и т.п., это — повторение того, чему в России было положено начало ещё во времена Ивана Грозного после взятия им Казани и вхождения Татарстана в состав России. И с того времени Россия-Русь представляет собой уникальную многонациональную цивилизацию, в границах общего всем её народам государства.

И в силу этого объективно-исторического цивилизационного различия философия, рождённая на идеалах и жизненном опыте западных наций-государств, неизбежно обречена на ошибки, когда порождённые ею рецепты пытаются применить к выявлению и разрешению проблем на Руси. Примером тому — попытка строительства социализма на идейной основе марксизма.

И из различия смысла жизни региональных цивилизаций Запада и России, проистекают широко известные слова Ф.И.Тютчева — поэта-философа, дипломата, — получившего образование общеевропейского характера (т.е. западное), а чувствами и бессознательными уровнями психики выражавшего Русский дух, чьи идеи не всегда выразимы в терминологии западной науки:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

По этой же причине подавляющее большинство оценок России и её перспектив Западом (как, впрочем, и Востоком) — вздорно, поскольку они исходят из иных цивилизационных идеалов, возведённых представителями их «элит» в ранг безальтернативного абсолюта. Одна из причин этого — иное понимание на Западе справедливости как явления в жизни общества.

В западном понимании справедливость — это **оправдание** исторически сложившегося порядка вещей; **оправдание** прошлого как процесса, породившего это настоящее, и **оправдание** тенденций, несущих в себе будущее. На это «оправдание» и работает вся философская культура Запада. А откуда и как возникает «порядок», оправдываемый философией; какая нравственность и этика в нём выражаются, — западную философию не интересует... И с точки зрения «философии оправдания этого порядка» неправы все, кроме безупречного в своём «развитии» Запада. Предельным выражением этого воззрения стал действующий доныне (введён в 1870 г.) католический догмат о «непогрешимости»[1] папы Римского в вопросах веры и нравственности, когда папа определяет вероучение церкви, а не высказывает своё частное мнение как один из людей.

В философии наиболее яркое и последовательное выражение это аморальное видение жизни нашло у Г.Ф.В. Гегеля: в слепом игнорировании им *праведности, которая представляет собой объективную данность и может быть востребована и воплощена в себе ВСЯКИМ человеком, если он того пожелает.*

Праведности — как идеалу человеческой нравственности, что и отличает её от исторически сложившейся морали, — свойственна определённая точка зрения, проявляющая Правду-Истину, и потому имеющая непреходящее — надъисторическое — значение, затрагивающая и всеобщее, и любое единичное. Именно поэтому русской философии всегда была свойственна устремлённость именно к надъисторическому. Наиболее яркое выражение это нашло в стихах М.Ю.Лермонтова:

1.
Когда б в покорности незнанья
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не до́лжно вечно было знать.

2.
Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где всё земное,

[1] В официальных текстах католицизма на русском языке в настоящее время вместо «непогрешимость» употребляется слово «безошибочность»: чтобы втереться в доверие.

Живёт наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски её мятежной
Душа узнать не может вновь.

Из отказа же Гегеля *праведности в объективности её бытия* и проистекают его оценки прошлого «лишь с точки зрения тех диалектических коллизий, которые вели к созреванию “настоящего”, т.е. современности, некритически понятой как венец и цель процесса». «Гегель завершает философию истории идеализированным изображением прусской конституционной монархии, философию права — идеализированным изображением буржуазного правосознания, философию религии — апологией протестантизма и т.д.»[1].

Прямое следствие этой точки зрения — гитлеризм: так за нравственную ошибку[2] своей философии спустя столетие с небольшим Германия заплатила большой кровью и продолжает своё суверенное существование только потому, что России и в советские времена была свойственна устремлённость к торжеству справедливости.

3. Богословие церкви кесаря против богословия народа

Если определять термин «философия» не по названию науки, а по тематике, относимой к её компетенции, то философия любого народа выражается прежде всего в эпосе и народных сказках, в пословицах и поговорках, в «анекдотах», в «сокровенных сказаниях», не предназначенных для посторонних и мировоззренчески недозрелых (на Руси это прежде всего былины и духовные песнопения, — в частности, «Голубиная книга»). По мере распространения письменной культуры философия выражается в художественных и публицистических литературных произведениях (в России эта компонента философии выразилась в произведениях А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Ф.И.Тютчева, А.К.Толстого, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, В.И.Бельского[3]; в советский период — в произведениях М.А.Булгакова и И.А.Ефремова). А с появлением науки как общественного института — собственно в философской науке и в богословии доминирующих конфессий. После этого философия в широком смысле этого слова существует и развивается во всех трёх названных ипостасях (народное творчество, художественная литература и публицистика, наука), которые переплетаются друг с другом и оказывают друг на друга влияние. В какие-то периоды истории определяющим оказывается народное творчество (авторски не персонифицированное), в другие — литература (произведения авторов), в какие-то — научная философия.

Разделение русской философии на светскую и церковную на наш взгляд было бы формальным и жизненно несостоятельным, поскольку все

[1] Э.В.Ильенков. Гегель. — Большая советская энциклопедия. Изд. 3. Т. 6. — С. 176

[2] На методологическую причину этой ошибки философии Гегеля, по всей видимости, первым указал А.С.Хомяков. Об этом далее.

[3] Владимир Иванович Бельский — автор текста либретто оперы Н.А.Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

делатели русской философии досоветского периода выросли в лоне культуры русского православия. Поэтому более полезно показать, как «мирские» и «богословские» вопросы переплелись в произведениях русской философской мысли в процессе преодоления кризиса самобытного развития русской цивилизации.

В историю русского православия более, чем за 1000 лет вошли десятки деятелей, кто так или иначе выразил идеи, значимые для развития философии, но упомянуть и дать представление о воззрениях каждого из них в ограниченном объёме настоящей работы невозможно. Поэтому, соотносясь с изложенным в разделе 1.4, мы упомянем только некоторых. Однако при таком подходе в наше рассмотрение попадут и те, кого в силу разных причин редко когда упоминают в курсах истории философии.

При этом необходимо отметить ещё одну особенность развития философии в богословской традиции православия. На протяжении длительного времени философская культура государственных и церковных деятелей, учёных и писателей находила своё выражение в их устремлённости к разрешению актуальных на тот период времени общественно-политических проблем, и они достигали в этом результатов, благодаря которым их имена оставались в истории. Но они не строили «философских систем»[1], изучая которые в отрыве от жизни, их ученики оказались бы перед вопросом: Как на основе *словесно освоенной* ими «философской системы» выявлять и решать реальные проблемы в жизни общества?

Основатель Киево-Печерской лавры Антоний Печерский (983-1073) **и его ученик Феодосий** (около 1008-1074) по сути стали первопроходцами этого направления. Киево-Печерский патерик сообщает, что в 1068 г., во время нашествия половцев на Русскую землю, организаторы отпора их набегу князья — Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи — перед выступлением войска в поход пришли к Антонию за благословением. Но Антоний предрёк им поражение, что и исполнилось. В православном сознании это поражение было обусловлено тем, что годом ранее Изяслав захватил обманом и заточил в тюрьму, полоцкого князя Всеслава, переступив через клятву целованием креста.

Феодосий тоже занимался тем, что ныне именуется «консалтингом». В отличие от Антония, которого Изяслав обвинял в политическом интриганстве, Феодосий пользовался его уважением, и они часто беседовали. Когда Святослав отнял киевский стол у своего старшего брата Изяслава и изгнал его, Феодосий выступал против насилия с целым рядом обличений, в том числе и в адрес Святослава.

Это направление теоретически не выраженной философии, которое можно назвать прикладным, далее прослеживается на протяжении всей истории РПЦ через Сергия Радонежского, Серафима Саровского, старцев Оптиной пустыни, Иоанна Кронштадтского и многих других вплоть до некоторых деятелей современности.

Но чтобы признать значимость этого явления в русской философской культуре, необходимо видеть его внутреннюю суть. Дело в том, что, размышляя в одиночку, люди часто «зацикливаются», т.е. их мышление нескончаемо ходит по кругу, перебирая одни и те же факты и аргументы, но не вырабатывая никакого определённого решения. Если, оказавшись в такой ловушке, человек вступает в диалог с другим человеком, то в

[1] В.В.Зеньковский относит начало периода построения систем в русской философии только к 1870-м гг., начало чему, по его мнению, кладут произведения В.С.Соловьёва. — Цит. издание, с. 24.

общении с ним он может сам вырваться из замкнувшегося круга мышления, придти к адекватным оценкам ситуации и выработать эффективные решения проблем, с которыми он столкнулся.

> Этот процесс психологически отличен от раздачи готовых рецептов авторитетным интеллектуалом его подопечным, поскольку не подавляет их мышления и воли, а раскрепощает, позволяя людям обрести новые грани свободы.

Результативность этого процесса обусловлена не «многознанием» собеседника, а его нравственно-психологическими особенностями. Роль этого явления в истории редко обнажается, но она значима: возможно, что мы бы не знали Ф.М.Достоевского в том качестве, в каком мы его знаем, если бы не его общение со старцами Оптиной пустыни. Если бы этого явления в жизни Руси не было, то не было бы изрядной доли русской философии, поскольку именно оно, пусть и опосредованно, выразилось в лучших её произведениях.

Одним из первых текстов, дошедших до наших дней, в которых выразились философские идеи, является **«Слово о Законе Моисеем данным и Благодати и Истине Иисусом Христом пришедшими»**[1] первого этнически русского митрополита киевского **Иллариона** (умер около 1055 г.).

В первых же абзацах «Слова» Илларион выступает против оторванности многократно повторяемых словесных поучений от реалий жизни: «Ибо повторение (того, о чём) в других книгах написано и вам известно, подобно дерзости и славолюбию» (демонстрация «многознайства», не ориентированного на выявление и разрешение реальных проблем, — порицаема в православии). Так же необходимо отметить, что Илларион большей частью ведёт повествование не в строгой терминологии, а в аллегориях, основанных на библейских сюжетах, соотнести которые с реальной жизнью должен сам читатель. Такой стиль подачи информации стимулирует читателя к размышлениям, а не навязывает ему лексически выраженные готовые к употреблению рецепты. Но там, где он находит необходимым, Илларион называет вещи их именами без аллегорий.

Главная тема «Слова» — превосходство Благодати, даруемой Богом в темпе течения событий в жизни непосредственно каждому по вере его и нраву, над Законом, т.е. прописанным кодексом поведения, соблюдение которого гарантирует некий минимальный уровень безгреховности и благоустроенности жизни общества: «Свободная же Благодать, увидев чад своих христиан притесняемыми от иудеев, сынов рабского Закона, возопила к Богу: “Удали иудейство и Закон (его), расточи по странам — какое же общение между тенью и Истиною, иудейством и христианством!”» Закон в указанном смысле в эпоху написания «Слова» был основой исторически реального иудаизма, а в христианской церкви изначально была заповедь устремлённости к Царствию Божию на Земле, взращиваемому Благодатью.

Кроме того, «Слово» — самый ранний текст, в котором есть термин «русский народ»: в ту эпоху эпитет «русский» в большинстве своём характеризовал землю (территорию), а не общность её населения; общность осознавалась как языковая и православная. Поэтому можно

[1] Датируется периодом 1030 либо 1037 — 1050 гг. См. в интернете: http://old-russian.chat.ru/13ilarion.htm.

признать, что Илларион, один из первых выразителей цивилизационного самоосознания православной Руси.

Но власть догматики церкви «кесаря» берёт своё, и если соотносить многое в «Слове» с реальностью жизни Руси той эпохи, то «Слово» очерняет дохристианское прошлое, выражая церковное стремление начинать историю Руси с крещения, как с «чистого листа», и описывает современность как воплощённый на Руси рай в то время, как реально регулярно полыхают княжеские усобицы и страна катится к неспособности отразить нашествие Батыя (1238 г.); возвеличивает власть великих князей как «единодержцев», в формулировках, характерных для времени культа личности Сталина: «Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами, великое и дивное сотворившего, нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава».

Иосиф Волоцкий (1440-1515), иногда иначе именуемый Волоколамский. Обычно его вспоминают как одного из руководителей искоренения «ереси жидовствующих», начавшей распространяться с 1471 г. из Новгорода. Это — вопрос богословский, и мы не будем вдаваться в его рассмотрение[1]. Но отметим, что в случае победы ереси, произошла бы смена церковной догматики, и выражающей её социологической доктрины, что повлекло бы за собой многочисленные и далеко идущие, большей частью неблаготворные (в силу антисоборного характера ереси жидовствующих), последствия в жизни России.

Так же его вспоминают в связи со спором, инициированным **Нилом Сорским** (1433-1508) о праве монастырей иметь в собственности сёла. К этому времени в собственности монастырей было до 1/3 земли в государстве. Нил выступал против этого права, видя в нём основу для растления и паразитизма монахов. Иосиф ему возражал, поскольку возлагал на монашествующих обязанность социальной защиты сирых и убогих, а кроме того монастыри в их большинстве были крепостями и объектами оборонной инфраструктуры страны: и то, и другое требовало экономического обеспечения.

Но нас интересует иная сторона деятельности Иосифа Волоцкого. Он писал: «Царь, по своей природе, подобен всякому человеку, а по своей должности и власти подобен Всевышнему Богу»[2]. Но он не возвеличивал царскую власть, в том смысле, что провозглашал её безгрешность, как его воззрения истолковывают многие, поскольку «самого царя Иосиф включает в ту же систему Божия тягла, — и Царь подзаконен, и только в пределах Закона Божия и заповедей обладает он своей властью. А неправедному или “строптивому” Царю вовсе и не подобает повиноваться, он в сущности даже и не царь, — “таковый царь не Божий слуга, но диавол, и не царь, а мучитель”».[3]

Т.е. Иосиф внёс в церковное миропонимание этическую норму докрещенской Руси: человек и должность, им исполняемая, не должны

---

[1] Эта ересь затронута в работе ВП СССР «По вере вашей да будет вам… Священная книга и глобальный кризис».

[2] Протоиерей В.В.Зеньковский. История русской философии. — YMCA-PRESS, Париж, 11, rue de la Montagne-Ste-Genevieve. 1989. Т. 1, ч. 1. — С. 49.

[3] Протоиерей Г.Флоровский. Пути русского богословия. Часть 1. — Издание второе, исправленное и дополненное, 2003 год. Интернет-версия под общей редакцией Его Преосвященства Александра (Милеанта), Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского. — Интернет-ресурс: http://dl.biblion.realin.ru/text/10_Bogoslovie/Florovskij._Puti_russkogo_bogosloviya/Florovskij._Puti_russkogo_bogosloviya-1.doc.

отождествляться; все должны работать на общее благо в русле Промысла, заботясь друг о друге, и царь в этом общенародном деле — только главный руководитель. Из отождествления же должности и личности проистекают многие социальные беды.

Фактически Иосиф предостерегал от порабощения общества догматом о непогрешимости царской власти, который хотя и никогда не провозглашался церковью, но фактически действовал по умолчанию во многие царствования и стал одним из генераторов катастрофы 1917 г. Этот «догмат» открыто выразился в полном титуловании Николая II: «Божьей поспешествующей милостью, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, (…) и прочая, и прочая, и прочая»[1].

Иван Грозный (1530-1584) — его в курсах истории философии обычно не упоминают, но это происходит скорее по мотивам политического неприятия, нежели в силу бессодержательности его письменного наследия. Но вопреки традиции замалчивания ряд авторов видят в его наследии и философскую компоненту: «собственно философских сочинений Иван Грозный не создавал, но многие его труды насыщены философскими идеями»[2].

Кроме того, именно он — государь, который положил начало развитию Руси-России в качестве цивилизации многих народов, развивающих общее им всем государство. И в отличие от своего почти что современника — Н.Макиавелли (1469-1527), автора трактата «Государь»[3], — Иван Грозный был не сторонним наблюдателем и фантазёром, а практиком, сделавшим многое и прочувствовавшим на себе такое, о чём Н.Макиавелли и не подозревал. Поэтому для русской социальной философии и философии управления в особенности — эпоха Ивана Грозного, его воззрения и столкновение их с социальной реальностью должны быть обязательным предметом исследований, поскольку её нравственно-этические и мировоззренческие ошибки продолжают оказывать своё воздействие по настоящее время, препятствуя воплощению идеалов Русской цивилизации в жизнь.

При этом Ивана Грозного следует относить и к богословам православия в силу уникального характера взаимоотношений в статусной структуре общества церковной иерархии и царя: царь — и член церкви, такой же как любой мирянин; и внешний по отношению к ней её охранитель — как глава освящённого церковью государства, прошедший через таинство помазания[4] при венчании на царство. И к этому есть неформальные основания в его деятельности. В частности после его прений с представителем европейской реформации Яном Рокитой (10 мая 1570 г.) 14 июня того же года Роките был передан «Ответ царя»[5], в котором Грозный обосновал своё несогласие с учением Лютера и запретил Роките проповедовать на Руси. В беседе с папским посланником иезуитом Антонио Поссевино Грозный заявил: «Наша вера христианская, а не греческая»[6], — т.е. он осознавал, что христианство и византийское вероучение — не одно и то же и делал из

[1] Интернет-ресурс: http://www.c-cafe.ru/days/bio/29/032_29.php.

[2] Чумакова Т.В. Предисловие к сборнику «Иван IV Грозный. Сочинения». — СПб: Азбука-классика. 2008. — С. 7.

[3] Написан в 1513 г., опубликован в 1532 г. через 5 лет после смерти автора.

[4] О чине венчания на царство и помазании см.: http://www.pokaianie.ru/article/restoration/read/370.

[5] Иван IV Грозный. Сочинения. — СПб: Азбука-классика. 2008. — С. 107-115.

[6] Г.Флоровский. Пути русского богословия. Часть 1. — Ранее цитированная интернет-версия.

этого определённые выводы по отношению ко внутренней и внешней политике. Кроме того авторство нескольких молитв и церковных песнопений возводится к Ивану Васильевичу.

Но та же самая уникальность царского статуса в обществе определяет и своеобразие тематики и стиля всех его произведений: *в его понимании он — ответственен только перед Богом, а все без исключения подданные — равны в своей ответственности перед ним как перед «наместником» Божьим, на которого Богом возложена миссия защиты, поддержки и распространения истинно-христианской веры средствами государственной политики.* Такое понимание своего статуса и жизненной миссии обрекало его на исключительное одиночество и на невозможность осмысления ряда вопросов иначе, как в сокровенной молитве, обращённой к Богу. Но если для Грозного, как и для В.Н.Лосского, догматическое богословие было выше мистического, то в религиозном миропонимании мы оказываемся перед вопросом: *Что мог поделать Бог, пока их приоритетность в психике человека не будет восстановлена самим человеком, которому Бог даровал свободу выбора?*

Все аналитики текстов прошлых эпох интерпретируют их содержание и оценивают значимость, исходя из того круга понятий, который у них сложился. И если какие-то понятия у них отсутствуют, то произведения могут им представляться бессодержательно-банальными вопреки тому, что освещение определённой проблематики нашло в них своё выражение на языке той эпохи. Нас в данном случае интересуют социально-философские взгляды Ивана Грозного в связи с вопросом о том, как он представлял себе реализацию *полной функции управления*[1] в отношении общества, о которой в его время не было абстрактного понятия. Но потребность в осуществлении государственного управления по полной функции у России была, и её некоторым образом Иван IV пытался реализовать в государственном строительстве и политической практике возглавляемого им государства.

Если анализировать переписку А.М.Курбского и Грозного не предвзято, т.е. не обвиняя царя в деспотизме ради деспотизма и в уничтожении людей, мотивированном безосновательными подозрениями, а исходя из социо-культурных обстоятельств и политической конкретики той эпохи, то следует сделать вывод: Иван Грозный искренне старался следовать концепции царской власти, основные положения которой в формулировке Иосифа Волоцкого приведены выше. Эта концепция, в свою очередь, исходила из приведённых ранее высказываний апостола Павла. Причём Грозный, как можно понять из его первого ответного письма А.М.Курбскому[2], помнил об обеих составляющих высказывания Павла: и адресованных «рабам», и адресованных «господам».

Олигархию (в тот период боярскую), которая сложилась к его времени, он обвинял прежде всего в том, что она признаёт обязательной только

---

[1] Термин Достаточно общей теории управления. — Достаточно общая теория управления. Постановочные материалы учебного курса факультета прикладной математики — процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета (1997-2003). — Новосибирск. 2007. — 408 с.; а так же интернет-ресурс: http://www.vodaspb.ru/russian/files/books/20040622-DOTU_red-2004.zip. Вопрос об отображении полной функции управления в общественном самоуправлении рассмотрен в работах ВП СССР «Мёртвая вода», «Вопросы социологии», «От корпоративности под покровом идей к соборности в Богодержавии».

[2] История русской литературы. — Электронный учебно-методический комплекс, соответствующий требованиям образовательного стандарта по специальности «филология». — Интернет-ресурс: http://ppf.asf.ru/drl/grozny.html.

первую часть поучения Павла, адресованную рабам, а в царе видит не высшего в обществе господина, данного Богом, а номинальную фигуру, чей авторитет, освещённый церковью, должен обеспечивать власть олигархии над простонародьем. При этом интересы представителей олигархии сводятся к своему личному и кланово-групповому обогащению и честолюбию, а служить Богу (и соответственно христианскому народу) под руководством Богом данного царя они не желают, саботируют его политику и плетут заговоры, чтобы устранить его и посадить на трон свою марионетку (как это имело место в тот период в Польше и Англии).

Если соотноситься с полной функцией управления, то конфликт между Грозным и олигархией это конфликт по поводу первых этапов полной функции управления: целеполагания и генерации концепции достижения целей. С точки зрения Грозного целеполагание должно исходить от Бога через царя как наместника Божиего; с точки зрения олигархии в целеполагании должно выражаться удовлетворение её клановых властно-потребительских интересов, а обязанность царя обеспечить их достижение средствами подвластного ему государственного аппарата. Т.е. это конфликт по поводу осуществления жреческой власти в Русской цивилизации. И в этом — главная причина, почему иерархия РПЦ, служа заправилам библейского проекта порабощения человечества от имени Бога, мягко говоря, недолюбливает Грозного царя, предпринявшего осуществить самодержавие Руси в русле Богодержавия в меру своего понимания, искажённого той же Библией и традицией её толкования РПЦ.

При этом Грозный, признавая свою греховность, обвиняет боярскую олигархию в том, что они, будучи распутны сами, вовлекают и его во грех, а он грешит по человеческой слабости, как и все люди. Наряду с этим он принимает на себя ответственность и за грехи его подданных, которые совершили их по его недосмотру. И он признаёт, что среди жертв его репрессий могут быть и безвинные. Но А.М.Курбского и других членов олигархии, противящихся ему, он обвиняет в противлении Богу, поскольку культивируемая церковью этика обязывает христианина не противиться злому, а убеждать в неправоте открыто с любовью, а не разжигать вражду в обществе и не плести интриги. При этом, если убедить в своей правоте царя не удаётся и он обрекает на казнь, то следует принять это как Божью волю, поскольку мученический венец праведника — это наивысшая награда от Бога, превосходящая все земные блага. Но супротивники Ивана Грозного предпочитают земные блага, а не царствие небесное, чем и обличают себя как богоотступников и подтверждают правоту Грозного[1].

Эти идеи рассыпаны по всему тексту ответов Грозного Курбскому, поэтому изложить их в цитатной форме из-за ограниченности объёма настоящей работы не представляется возможным.

---

[1] Эта тема в литературе отображена в сюжете «Песни о купце Калашникове» М.Ю.Лермонтова. В нём два антипода:

- опричник Кирибеевич, чьё устремление к имению благ мира сего на основе вседозволенности было пресечено в кулачном поединке Божьим попущением;
- купец Степан Парамонович Калашников, которому после убийства Кирибеевича в кулачном поединке совесть не позволила солгать царю и он прямо заявил, что убил Кирибеевича вольной волею, а за что про что, царю не скажет, скажет только Богу единому, после чего смиренно принимает смертную казнь от царя.

По существу сюжет о том, что грех убийства Калашников совершает вследствие того, что Кирибеевич не только сам грешит, домогаясь венчанной жены Калашникова, но и вовлекает в своё греховодство Ивана Грозного, попустительствующего Кирибеевичу. И этот грех — на царе, как и все последующие в цепочке развития сюжета грехи.

Если же соотноситься с новозаветным учением, то в лице Ивана Грозного история показала несостоятельность мечтаний многих о праведном царе, который своею железною волей покарает злодеев и обеспечит благополучную жизнь всем остальным: искренне благонамеренный царь, будучи обычным человеком, обречён на ошибки; он обречён на саботаж его политики со стороны олигархии; на безучастность к происходящему подавляющего большинства народа, у которого в обществе, организованном исходя из поучений апостола Павла, нет ни прав, ни возможностей для того, чтобы помочь праведному главе государства осуществлять власть в русле Промысла Божиего.

Но хилиазм для Грозного — либо ересь, которую он даже не упоминает (многократно цитируя Павла, а не Христа), либо разновидность порицаемого им манихейства.

Староверы. Их конфликт с государственной церковью проистекал из того, что патриарх Никон и царь Алексей Михайлович осуществили церковную реформу (1653 г.), в результате которой были введены в обращение «богослужебные книги», отпечатанные в Венеции на основе текстов тогдашней греческой церкви, отличавшихся от древнерусских. При этом была изменена обрядность. С точки зрения староверов подмена текстов это устранение из жизни истинной веры; а обрядность — путь, через который Божественная благодать снисходила в общество, и соответственно изменение обрядности — закрытие путей для Божественной благодати. Сделавший это царь, воспринимается как Антихрист, и ему не до́лжно подчиняться, как об этом учил Иосиф Волоцкий.

Однако какой-либо созидательной идеи, альтернативной социологической доктрине, проистекающей из поучений апостола Павла, старообрядчество не выработало, поскольку о её жизненной состоятельности и целесообразности не задумывалось.

Серафим Саровский (1759-1833). Его миссия состояла в том, чтобы напомнить православным о «стяжании благодати Духа Святого, как о цели жизни христианской». После него не осталось письменного наследия. То, чему и как он учил, получило известность благодаря запискам одного из его «духовных чад» — Н.А.Мотовилова. Приведём некоторые фрагменты из них[1].

«— Каким же образом, — спросил я батюшку о. Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто, — отвечал он мне; поэтому-то и Господь говорит: “вся простота суть обретающим разум”. Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не имеем этого разума Божественного, который не кичит (не гордится), ибо не от мира сего есть.

Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему. Про этот разум Господь сказал: “Бог хощет всем спастися и в разум истины прийти”. Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: “Ни ли разумливы есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?...” Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что “отверз им тогда Господь разум, разумети Писания”. Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них, или нет, и проникнутые Им, и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в

[1] Интернет-ресурс: http://tapirr.narod.ru/ekklesia/saints/serafim.htm.

посланиях своих писали: “Изволися Духу Святому и нам” и только на этих основаниях и предлагали свои послания, как св. апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божиего (…) Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?»

Далее в записях Н.А.Мотовилова рассказывается, как по внутренней молитве Серафима они вместе пребывали некоторое время в наитии Святого Духа. При этом Серафим задавал Н.А.Мотовилову вопросы о том, что он чувствует и объяснял ему его ощущения.

«— Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог. (…) Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом люди бывают в благодати Духа Святаго (…) Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого[1] Серафима, тем более, что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными».

Последнее необходимо пояснить. Новозаветная книга «Деяния апостолов» многократно повествуют о том, что *Дух Святой снисходил на людей, в результате того, что они принимали Христианство*. Разнообразные дары Духа Святого были широко распространённым явлением в среде первых христиан: людям дано было исцелять больных, предвидеть будущее, творить «чудеса», понимать и изъясняться на языках, которые они не учили и т.п. Ко времени Серафима (не говоря уж о наших днях) дары Святого Духа стали чем-то исключительным в обществе. И Серафим напоминал православным, что смысл христианской жизни — жить так, чтобы Дух Святой Премудрости Божией не брезговал объять человека — из-за его грехов (см. Премудрость Соломона, 1:4-8) и это позволило бы преобразить жизнь человечества.

По сути о том же учил и святитель **Игнатий Брянчанинов** (1807-1867): человек «может быть с самим собою только при посредстве Божественной благодати, в присутствии её, при действии её: без неё он делается чуждым самому себе и подчиняется невольно преобладанию падших духов за произвольное устранение из себя благодати, за попрание цели Творца»[2].

Наиболее интересным его произведением, не потерявшим актуальности в некоторых аспектах до наших дней, являются записки «О необходимости Собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви» 1862-

[1] Серафим характеризует себя этим словом, не потому, что уничижает себя перед собеседником тем самым *неоправданно возвеличивая его (это противно христианской этике),* а потому, что ощущает, какую малую долю личностного потенциала развития человека он сам освоил. И по отношению к этому потенциалу мы все — убогие, но в отличие от Серафима не осознаём этого.

[2] Брянчанинов И. Слово о человеке. — М., 1997: http://humanities.edu.ru/db/msg/22100.

1866 гг.[3] Он осознал искусственность конфликта науки и религии и возлагал особую роль в его преодолении на философию православия:

«… основания, на которых философы всех времён создавали свои системы, произвольны, по этой причине не имеют никакой прочности и противоречат одна другой, что человеческая философия должна быть признана ничем другим, как только игрою воображения и собранием мнений, чуждых истине. (…) К истинной философии приводит одно христианство: только при посредстве его можно быть непогрешительным психологом и метафизиком. (…) В духовных высших училищах необходимо преподавание положительных наук. Весьма справедливо признавал Платон невозможным обучение философии без знания математики. Особливо нужно знание естественных наук, потому что в наше время нигилисты утверждают своё учение якобы на естественных науках. Нужно знать, что они утверждают здание нигилизма не на естественных науках, а на произвольных, нелепых гипотезах, т.е. предположениях или вымыслах, которых нет возможности доказать теми доказательствами, при которых единственно наука признаёт познание верным и без которых все блестящие гипотезы остаются при достоинстве игры воображения, при достоинстве бреда[1]. Природа возвещает Бога по свидетельству Св. Писания (Пс. 103. Рим. 1, 19-20). Все великие учёные, математики и естествоиспытатели, как-то: Ньютон, Лейбниц, Неккер — не только были деистами, но и признавали христианство. Безбожниками были почти все софисты, не знавшие положительных наук и предававшиеся необузданному умствованию и мечтательности».

Хотя это и не входит в заявленную тематику настоящей работы, всё же отметим, что возможны прочтения Корана, которые дают ключ к преодолению конфликта науки и религии, если понимать кораническую тему о Различении, как уведомление о том, что Бог даёт непосредственно каждому способность к выявлению сигнала, несущего информацию, на фоне помех и сигналов, адресованных другим[2]. Т.е. И.Брянчанинов не одинок в своей убеждённости в возможности преодоления конфликта науки и религии, и основания для такого рода религиозно обусловленной убеждённости есть в писаниях других конфессий.

А.С.Хомяков (1804-1860) — ему принадлежат два принципиально значимых утверждения, которые никто никогда не оспаривал.

ПЕРВОЕ. Он обвинил философию Запада в том, что она, исчерпала себя и стала жизненно несостоятельной, дав соответствующую оценку философии Гегеля — тогдашней вершины философской мысли Запада, от которой позднее много чего произошло, включая марксизм и гитлеризм со всеми их негативными последствиями.

«Гегель в своей гениальной “Феноменологии” дошёл до крайнего предела, которого могла достигнуть философия по избранному ею пути: ОН ДОСТИГ ДО ЕЁ САМОУНИЧТОЖЕНИЯ (выделено нами при цитировании). Вывод был прост и ясен, заслуга бессмертна. И за всем тем его строгий

---

[3] http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=author&id=2; http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=464.

[1] В этом упрёке И.Брянчанинов прав: Ч.Дарвин в «Происхождении видов путём естественного отбора» как минимум в трёх местах, пишет о Боге как о Творце природы и Вседержителе. Т.е. воззрения Ч.Дарвина в их аутентичном виде подразумевают, что глобальный эволюционный процесс биосферы, — способ божественного творения и совершенствования Земли. В этом смысле Ч.Дарвина из числа его современников в России понял А.К.Толстой (см. его стихотворение «Послание М.Н.Лонгинову о дарвинисме»).

[2] См. работы ВП СССР «Диалектика и атеизм: две сути несовместны», «Основы социологии» (часть 1).

логический ум не понял собственного вывода. (…) Гегель в невольном самообмане создал колоссальный призрак своей Логики, свидетельствуя о великости своего гения великостью своей ошибки».[1]

Назвал А.С.Хомяков и причины неадекватности западной философии, а равно и последствия получения образования на её основе, одинаково характерные для всех культур, где «элита» формируется на основе образования европейского типа:

«То ВНУТРЕННЕЕ СОЗНАНИЕ, КОТОРОЕ ГОРАЗДО ШИРЕ ЛОГИЧЕСКОГО (выделено нами при цитировании: «логическое сознание» в переводе на русский — словесно выражающееся осознанное мышление, внутренний монолог человека на уровне сознания в его психике) и которое составляет личность всякого человека так же, как и всякого народа, — утрачено нами»[2].

Т.е. А.С.Хомяков указал на то, что Гегель примитивной логикой уровня сознания[3] подменил глубинно-психологическую диалектичность мышления личности во всей её полноте, заблокировав её и тем самым лишив человека возможных результатов его подлинного мышления.

Фактически А.С.Хомяков указал на необходимое направление развития личностной культуры мышления, в котором бы логика сознания не подавляла бы внутреннюю диалектичность мышления человека на его бессознательных уровнях психики, чья мощь многократно превосходит возможности сознания. Однако он сам не стал развивать эту тему и не выработал на этой основе адекватную альтернативу логике западной философии.

ВТОРОЕ. Он по сути был богословом-философом и первым выразил представления о соборности, как об общественном укладе, обусловленном религиозностью людей, не знающем иерархии личностей, но признающем иерархию должностей в общественном объединении труда.

«В вопросах веры нет различия между учёным и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу даётся слово премудрости, ересь учёного епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы всё было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия»[4].

«Соборность противопоставляется коллективизму и индивидуализму и означает, что в Церкви осуществляется добровольное соединение верующих на основе любви к Богу и друг другу, водимое Духом Святым» (у Хомякова соборность предполагает отсутствие внешнего авторитарного центра)[5].

Однако соборность — не анархия, поскольку она подразумевает бесконфликтное взаимное дополнение в Божьем водительстве воли каждого человека волей других людей; и она отрицает иерархию личностей, а не управленчески неизбежную иерархию подчинения и отчётности должностей в общественном объединении труда. Она — не несбыточная фантазия. По сути соборность — это возврат на новом

---

[1] А.С.Хомяков. Мнение русских об иностранцах. — О старом и новом. Статьи и очерки. — М.: Современник. 1988. — С. 119, 120.

[2] Там же. — С. 121

[3] Быстродействие сознания — 15 бит/сек, 7-9 объектов одновременно.

[4] http://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/11380/СОБОРНОСТЬ.

[5] http://azbuka-hrist.narod.ru/s/sobornost.html.

качественном уровне развития общества к нравственно-этическим нормам жизни Руси в докрещенской древности.

Сохранилось свидетельство Льва Диакона о том, как великий князь Святослав (942-972) вёл беседу с императором Византии Иоанном I Цимисхием (в 971 г.):

«Он сидел на вёслах и грёб вместе с его приближёнными, ничем не отличаясь от них... умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый... широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные... Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближённых только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал».

Это было непонятно византийцам, но не мешало быть Святославу великим князем на Руси, а кормщику ладьи — первым на ней после Бога[1]. И оба они были уважаемы всеми прочими за то, что каждый из них был компетентен в своём деле, которым приносил пользу всем остальным; и никто не был никому господином либо рабом.

В конечном итоге на конфликт между социологической доктриной церкви кесаря и учением Христа, непрестанно воспроизводимый в психике людей, в России указал **Л.Н.Толстой** в статье «Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении» (1907 г.):

«...для того, чтобы люди могли воспользоваться тем великим благом, которое даёт нам истинное христианское учение нам необходимо прежде всего освободиться от того бессвязного, ложного и, главное, глубоко безнравственного учения, которое скрыло от нас истинное христианское учение. Учение это, скрывшее от нас учение Христа, есть то учение Павла, изложенное в его посланиях и ставшее в основу церковного учения. Учение это не только не есть учение Христа, но есть учение прямо противоположное ему. (...).

... сущность учения Христа (как всё истинно великое) проста, ясна, доступна всем и может быть выражена одним словом: человек — сын Бога, — так сущность учения Павла искусственна, темна и совершенно непонятна для всякого свободного от гипноза человека.

Сущность учения Христа в том, что истинное благо человека — в исполнении воли отца. Воля же отца — в единении людей. А потому и награда за исполнение воли отца есть само исполнение, слияние с отцом. Награда сейчас — в сознании единства с волей отца. Сознание это даёт высшую радость и свободу. Достигнуть этого можно только возвышением в себе духа, перенесением жизни в жизнь духовную.

Сущность учения Павла в том, что смерть Христа и его воскресение спасает людей от их грехов и жестоких наказаний, предназначенных Богом теперешним людям за грехи прародительские.

Как основа учения Христа в том, что главная и единственная обязанность человека есть исполнение воли Бога, то есть любви к людям, — единственная основа учения Павла та, что единственная обязанность человека — это вера в то, что Христос своей смертью искупил и искупает грехи людей.

Как, по учению Христа, награда за перенесение своей жизни в духовную сущность каждого человека есть радостная свобода этого сознания соединения с Богом, — так, по учению Павла, награда доброй

[1] Отрицая эту этику, президент Польши Л.Качиньский убил и себя, и ещё 95 человек в авиакатастрофе в Смоленске 10 апреля 2010 г.

жизни не здесь, а в будущем, посмертном состоянии. По учению Павла, жить доброй жизнью надо, главное, для того, чтобы получить за это награду «там». Со своей обычной нелогичностью он говорит, как бы в доказательство того, что должно быть блаженство будущей жизни: «Если мы не распутничаем и лишаем себя удовольствия делать гадости здесь, а награды в будущей жизни нет, то мы останемся в дураках»[1].

Да, основа учения Христа — истина, смысл — назначение жизни. Основа учения Павла — расчёт и фантазия.

Из таких различных основ естественно вытекают и ещё более различные выводы.

Там, где Христос говорит, что люди не должны ждать наград и наказаний в будущем и должны, как работники у хозяина, понимать своё назначение, исполнять его, — всё учение Павла основано на страхе наказаний и на обещаниях наград, вознесения на небо или на самом безнравственном положении о том, что если ты веришь, то избавишься от грехов, ты безгрешен.

Там, где в Евангелии признаётся равенство всех людей и говорится, что то, что велико перед людьми, мерзость перед Богом, Павел учит повиновению властям, признавая их от Бога, так что противящийся власти противится Божию установлению.

Там, где Христос учит тому, что человек должен всегда прощать, Павел призывает анафему на тех, кто не делает то, что он велит, и советует напоить и накормить голодного врага с тем, чтобы этим поступком собрать на голову врагу горячие уголья, и просит Бога наказать за какие-то личные расчёты с ним Александра Медника.

Евангелие говорит, что люди все равны, Павел знает рабов и велит им повиноваться господам. Христос говорит: «Не клянись вовсе и кесарю отдавай только то, что кесарево, а то, что Богово — твоя душа — не отдавай никому». Павел говорит: «Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены», (Римл. XIII, 1, 2).

Христос говорит: «Взявшие меч от меча погибнут». Павел говорит: «Начальник есть божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч, он — божий слуга... отмститель в наказание делающему злое» (Римл. XIII, 4).

Христос[2] говорит: «Для сего вы и подати платите: ибо они божии служители, сим самым постоянно занятые. И потому отдавайте всякому должное; кому подать — подать; кому оброк — оброк, кому страх — страх, кому честь — честь» (Римл. XIII, 6, 7).

Но не одни эти противоположные учения Христа и Павла показывают несовместимость великого, всемирного учения, уясняющего то, что было высказано всеми величайшими мудрецами Греции, Рима и Востока, с мелкой, сектантской, случайной, задорной проповедью непросвещённого, самоуверенного и мелко-тщеславного, хвастливого и ловкого еврея.

[1] Это не цитата из павловых писаний, а толкование Л.Н.Толстым его понимания вероучения Павла, во многом построенное на личной нравственно обусловленной неприязни лично к Павлу, который сам был жертвой обстоятельств и орудием закулисных сил вследствие его верований, так же обусловленных его нравственными мерилами.

[2] Так в публикации журнала «Слово», хотя здесь явная опечатка, поскольку далее цитируются слова апостола Павла.

Несовместимость эта не может быть очевидна для всякого человека, воспринявшего сущность великого христианского учения»[3].

Также в контексте рассматриваемой нами проблематики необходимо упомянуть **А.С.Пушкина** (1799-1837). Хотя мы в отношении него нарушили хронологический порядок упоминания лиц, но именно он положил начало *преображению и выходу из кризиса жреческой власти Русской многонациональной цивилизации.* В «Песни о вещем Олеге» он выразил исходный принцип обретения жреческой власти человеком и соответственно — становления и возрождения жреческой власти в обществе:

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен,
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен…

И ещё ранее, исходя из этого — ещё не высказанного им — принципа, но свойственного его великой душе, он в порыве юношеской непосредственности в «Гавриилиаде» (1821 г.) отказал Библии в чистоте и неподложности фиксации в её текстах Божественных Откровений:

С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!»

Однако реакция иерархии церкви на это прозрение поэта была такова, что А.С.Пушкин вынужден был дать объяснение по поводу «Гавриилиады» лично императору Николаю I. И тот сдержал «верозаступническую» рьяность Синода, поскольку после личной беседы с ним Николай I охарактеризовал А.С.Пушкина как умнейшего мужа России. После такой реакции «просвещённой общественности» на «Гавриилиаду» А.С.Пушкин вынужден был шифровать свои воззрения философско-жреческого характера, по какой причине многие его произведения иносказательны: в них наличествует скрытый второй смысловой ряд, недоступный людям, чьи нравственные идеалы чужды смыслу жизни Русской цивилизации.

Заключение

Направленность исторического развития Русской цивилизации — к соборности, в которой все свободны и никто не является господином или рабом кому бы то ни было.

Эта направленность пролагала себе дорогу и в развитии философии, которое на протяжении последнего тысячелетия протекало под влиянием богословской традиции православной церкви. И при этом в силу наличия в церкви двух вероучений:

- Одни философы не верили в осуществимость соборности и работали на поддержание какого ни на есть общественного порядка, чтобы жизнь не

[3] Приводится по публикации в журнале «Слово». № 9. 1991. — С. 6-10

превратилась в ад войны всех против всех, и обосновывали правомочность сложившегося порядка вещей в русле доктрины «третьего Рима».
- Другие вопреки исторически сложившейся реальности были убеждены в осуществимости соборности, и *в настоящем при всех его пороках видели ту среду, которая породит соборность*.
- Третьим не хватало терпения и они, отрицая настоящее, бунтовали против него, веря, что после бунта или революции жизнь сама собой станет лучше.

Кто-то из них был воцерковленным, кто-то, отвергая церковный идеологический диктат, становился атеистом, но продолжал жить по совести. Кто-то, утратив совесть и бунтуя против действительности, выражал в своей философии воззрения люмпена.

В действительности в учении Христа присутствуют заповеди построения Царствия Божиего на Земле усилиями самих людей в Божьем водительстве и заповеди терпения. Но они не противоречат друг другу, а взаимно связаны функционально. И потому:

Противопоставлять заповеди Царствия Божиего на Земле заповедям терпения, возводя хилиастические идеи в ранг ереси в угоду собственным устремлениям к господству над другими людьми от имени Бога, — неправомерно.

Заповеди Царствия Божиего в Христианстве — это цель, которая должна быть достигнута человечеством в его развитии; а заповеди терпения — средство создания условий для личностного развития людей, чтобы они могли достичь этой цели. Если нет терпения, то неизбежны конфликты, а в условиях потока конфликтов людям не до личностного развития и не до преображения жизни общества.

К концу XIX — началу XX века русская философия во всех её проявлениях подошла к осознанию этого, но нежелание думать своим умом о выявлении и разрешении своих проблем (к этому призывал И.Брянчанинов в записках о необходимости созыва Собора) привело к увлечению пришедшей с Запада философской новинкой — марксизмом, что имело печальные последствия.

Все философские системы можно отнести к одному из двух классов: методологические и цитатно-догматические. Первые подвигают своих приверженцев на следование принципу «возник вопрос? — осваивай методологию познания и находи ответ на него сам». Вторые обязывают своих последователей обращаться к произведениям признаваемых традицией основоположников и их «верных последователей» и находить ответы в их произведениях; а если у нет них готовых ответов — то компилировать ответ на возникший вопрос из их мнений, либо обосновывать свой ответ их мнениями, показав отсутствие противоречий нового мнения и традиции. В этом выражается методологически-познавательная неразвитость такого рода философий и их приверженцев.

К середине XIX века русская философия и прежде всего философия церкви и государственности была большей частью цитатно-догматической. Марксизм победил в России потому, что это была первая в истории публичная философия, которая исходила из принципа первенства методологии познания (диалектического метода). И если говорить о причинах краха СССР философского характера, то они состоят в том, что философия диалектического материализма преподавалась и употреблялась

как свод неизменных догм, а не как оболочка *методологии познания, которая должна развиваться и помогать человеку познавать мир в его развитии и творить это развитие*.

Если же говорить о перспективах философии, исходя из сказанного выше, то философия должна изменить своё качество: из цитатно-догматической стать методологической, а адекватная методология познания в своём развитии подтвердит истины и освободит их от всяческих (в том числе и византийских) заблуждений.

Если же говорить исключительно о философской традиции РПЦ, то и её развитие лежит в этом же русле, что было показано выше. Иначе говоря, в наши дни **История ждёт, кто из церковных богословов, пребывая в Духе Святом, преодолеет воспроизводимую издревле инверсию смыслов и открыто поставит мистическое богословие выше догматического**. В результате этого философия РПЦ должна изменить своё качество: из цитатно-догматической тоже стать методологической.

По достижении же этого качества философиями науки и церкви будет преодолён многовековой конфликт науки и веры, церкви и *общества (мира и міра).*

Но даже если иерархия РПЦ будет упорствовать в стремлении отформатировать жизнь под свои догмы, то это — бесперспективно, поскольку конфликт между совестью и корпоративным эгоизмом «элит», выражавшимся в официальном учении церкви, в России был разрешён на философском уровне ещё в начале XX века интеллектуальными усилиями и совестью многих поколений делателей русской философской культуры, пусть даже не всегда формализованной в виде «философских систем». Это означает, что в перспективе неизбежно разрешение этого конфликта и в реальной жизни в пользу диктатуры совести и соборности.

Историческая данность такова, что разрешение этого конфликта в области философии протекало при доминировании в культуре богословия православия, что мы и постарались показать в настоящей работе.

Внутренний Предиктор СССР,
13 марта — 15 ноября 2011 г.

Уточнения: 21.11.2001 г.